

Вышневежскій: — И ты, вѣрно, крѣпко, боялся въ театрѣ?..

Челлєвъ: — Боялся? Чего?

Вышневежскій: — Какъ же? Ты былъ одинъ съ разбойниками!

Всѣ: — Bravo! bravo! фора! — тостъ!

Снѣгинъ (беретъ въ сторону Заруцкаго): — Правда ли, что Арбенинъ сочиняетъ?

Заруцкій: — Да... и довольно хорошо...

Снѣгинъ: — То-то! Не можешь ли ты мнѣ достать что-нибудь?

Заруцкій: — Изволь... да кстати, у меня есть въ карманѣ нѣсколько мелкихъ пьесъ.

Снѣгинъ: — Ради Бога, покажи! пускай они плывутъ и дурачатся, а мы сидимъ тамъ, и ты мнѣ прочтешь...

Заруцкій (внимательно нѣсколько листовъ изъ кармана и они садятся въ другой комнатѣ у окна): — Вотъ первая. Это отрывокъ, фантазія. Слушай хорошенько... Создатель, какъ они шумятъ!.. Между прочимъ я долженъ тебѣ сказать, что онъ страстно влюбленъ въ Загорскину. — Слушай.

I.

Моя душа, я помню, съ дѣтскихъ лѣтъ Чудеснаго искала; я любилъ Всѣ обольщенія свѣта, но не свѣтъ, Въ которомъ я мгновеніями лишь жилъ — И тѣ мгновенія были мукъ полны: И населялъ таинственные сны Я этими мгновеніями; но сонъ, Какъ мѣръ, не могъ быть ими омраченъ!

II.

Какъ часто силой мысли въ краткій часъ Я жилъ вѣка и жизнь юной, И о землѣ позабывалъ. Не разъ, Встревоженный печальною мечтой, Я плакалъ. Но созданія мои, Предметы мнимой злобы иль любви, Не походили на существъ земныхъ; О, нѣтъ! все было адъ иль небо въ нихъ.

III.

Такъ! для прекраснаго могилы нѣтъ! Когда я буду прахъ, мои мечты, Хоть не пойметъ ихъ, удивленный свѣтъ Благословитъ. И ты, мой ангелъ, ты Со мною не умрешь. Моя любовь Тебя отдастъ безсмертной жизни вновь; Съ моимъ названіемъ стану повторять Твое... На что имъ мертвыхъ разлучать? ¹⁾

Снѣгинъ: — Онъ это писалъ въ гениальную минуту.. Другую...

¹⁾ Ср. со стихотвореніемъ: „1831 года, іюня 11“. Изъ этого стих. перенесены въ драму: „Страшный человекъ“ не только мотивы, но и нѣкоторые куплеты. Вотъ это стихотвореніе:

1.

Моя душа, я помню, съ дѣтскихъ лѣтъ Чудеснаго искала. Я любилъ Всѣ обольщенія свѣта, но не свѣтъ, Въ которомъ я минутами лишь жилъ;

Заруцкій: — Это посланіе къ Загорскиной. Въ чему волшебною улыбкой Будить забвенныя мечты?

Я буду веселъ, но — ошибкой:

Причину слишкомъ знаешь ты.

Мы не годимся другъ для друга:

Ты любишь хладный, шумный свѣтъ;

Я сердцемъ сынъ пустынь и юга!

Ты счастлива, а я, я — нѣтъ!

Какъ небо утра молодое,

Прекрасенъ взоръ небесный твой;

Въ немъ дышетъ чувство всѣмъ родное —

А я на свѣтѣ всѣмъ чужой!

Моя душа боится снова

Святую вспомнить старину;

Ея надежды — бредъ болыного,

Имъ вѣрить — значить вѣрить сну.

Мнѣ одинокій путь назначенъ,

Онъ проклятъ строгою судьбой;

Какъ счастье безъ тебя — онъ мраченъ.

Прости!.. прости же, ангелъ мой!..

Онъ чувствовалъ все, что здѣсь сказано. Я его люблю за это.

(Сильный шумъ въ другой комнатѣ).

Многіе голоса: — Господа! мы [честь имѣемъ объявить] пришли сюда и званы на похороны добраго смысла и стыда. За здравіе дураковъ и б.. й!

Рябиновъ: — Тостъ!.. еще тостъ, господа! Коперникъ правъ: земля вертится!.. (Шумъ утихаетъ; потомъ опять быть въ ладони).

Снѣгинъ: — Оставьте! не слушайте ихъ; читай далѣе...

Заруцкій: — Погоди (внимательно еще бумагу). Вотъ этотъ отрывокъ тѣмъ только замѣчаю, что онъ картина съ природы. Арбенинъ описываетъ то, что съ нимъ было, просто, но есть что-то особенное въ духѣ этой пьесы. — Она въ нѣкоторомъ смыслѣ подражаніе The Dream Байронову. Все это мнѣ сказалъ самъ Арбенинъ. (Читаетъ)..

Я видѣлъ юношу: онъ былъ верхомъ На сѣрой, борзой лошади — и мчался Вдоль берега крутого Клязьмы. Вечеръ Погасъ ужъ на багряномъ небосклонѣ, И мѣсяцъ съ облаками отражался [краснѣй]! Въ волнахъ — и въ нихъ онъ былъ еще пре- Но юный всадникъ не страшился, видно, Ни ночи, ни росы холодной... Жарко Пылали смуглыя его ланиты, И черный взоръ искалъ чего-то все Въ туманномъ отдаленіи. Въ безпорядкѣ

И тѣ мгновенія были мукъ полны, И населялъ таинственные сны Я этими мгновеніями... Но сонъ, Какъ мѣръ, не могъ быть ими омраченъ.

2.

Какъ часто силой мысли въ краткій часъ Я жилъ вѣка и жизнь юной, И о землѣ позабывалъ. Не разъ, Встревоженный печальною мечтой,